

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2018–2019 уч. г.
ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС

I. [35 баллов] ПЕРЕВОД С РУССКОГО НА РУССКИЙ.

Текст одного из известных русских стихотворений был переведён компьютером последовательно на несколько языков, а затем обратно на русский. Перед вами отредактированный вариант этого «перевода». Прочитайте его, выполните задания.

*Будь безмолвен, лучше спрячься, утай
Думы, чувства и эмоции свои.
Пусть живут они себе в глухой тиши,
Звёзды на небе закрывшейся души.
Ты на них смотри, но не трепись!
Заткнись.*

*Сердце точно не расскажет ни о чём,
Ты останешься непонятым другим.
Высказанное становится враньём.
Утаённое – источником благим.
Из него ты пей, не поперхнись!
Заткнись.*

1. [10 баллов] Узнайте оригинал. Напишите «переведённый» фрагмент стихотворения в оригинале. Укажите имя автора и название стихотворения.
2. [10 баллов] Отметьте формальные (количество строк, размер) и содержательные отличия «перевода» от оригинала.

Можете начертить таблицу по образцу, чтобы отличия были заметнее.

<i>Оригинал</i>	<i>«Перевод»</i>

3. [15 баллов] Удачен ли оказался «перевод»? Какой текст вам больше понравился? Напишите об этом в 5–7 предложениях. Подтвердите своё мнение примерами.

II. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА.

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 350–450 слов. Указание на объём условно, считать слова не нужно.

Вариант 1. Прозаический текст.

Александр Валентинович Вампилов (1937–1972)

СТУДЕНТ

Молодые листья на ветру трещат, металлически блестят на солнце. На окно ползет пышное белогрудое облако, ветер рвёт из него прозрачные, лёгкие, как бабьи косынки, клочки и несёт их вперёд. В бездонную голубую пропасть.

– Молодой человек! Вам не кажется, что вы присутствуете на лекции? Да, да, вы – у окна. Вы, именно вы! Надо встать. Я спрашиваю: вы где находитесь?

– На лекции.

– Слышали ли вы, о чём я только что говорил?

– Нет.

– А когда-нибудь вы об этом слышали?

– Товарищи, сколько раз вам повторять: я на свои лекции ходить никого не принуждаю. Неужели это так трудно усвоить? Вы, молодой человек, свободны... Нет, нет! Можете идти. Идите, идите! Не смею задерживать. До свиданья!

Он сбежал по лестнице, быстро прошёл прохладный сумеречный коридор, толчком распахнул дверь и на мгновение ослеп от резкого майского солнца. День не жаркий, ветер ровный, бодрый, с запахом реки и черёмух, без конца идут быстрые плотные тени. Напротив в сквере струится зелёный поток берёзовой листвы, за ней качается серебряная чёлка фонтана. Ветер бросает струи воды мимо каменной чаши, далеко на асфальт стелется белый водяной дым, под ним визжат, носятся голоногие девчонки.

Студент перешел улицу, в лотке у сонного небритого дяди купил сигарет и побрёл вдоль сквера, лениво ступая на чёрную узорчатую тень чугунной ограды. Он уже забыл про лекцию, про психоватого доцента. С самого утра в голове сидело одно и то же – строчки своего вчерашнего письма: «...Поклонников у вас много, но люблю вас один я. Для того, чтобы вы мне поверили, я сделаю всё. Что дальше – решаете вы, но это свидание неизбежно». Он не спешил. Доцент позаботился о том, чтобы он не спешил. Но лучше бы он торопился – тогда не исчезла бы та шальная самоуверенность, которая пришла к нему на лекции, у окна. На набережной немногочисленно. Молоденькая мать катит по улице синюю коляску. У воды, будто лунатики, туда и обратно ходят, трещат рулетками рыбаки. Он спустился к самой воде, присел на бетонную ступеньку. Река несётся навстречу облакам, тёмная у того берега, здесь, под ногами, неправдоподобно прозрачная. С той стороны уютно-зелёное предместье, обросшее садами и аллеями, сползает к реке жёлтыми тропинками

улиц. «Люблю вас один я...» Это, видимо, глупо и, кажется, сентиментально. А что делать? Любовь – не моя затея... Она – знаменитость, – вот в чём дело... Чёрт дёрнул её быть артисткой, да ещё знаменитой! Всё было бы проще. И эта записка не казалась бы глупой. А что делать? Надо встретиться. Надо сказать слова, которые не скажет ей никто, кроме меня. Река слепит солнцем, сияет голубизной. И шумят над головой молодые тополя. Но река – сама собой, ты – сам собой...

Она пришла. Она остановилась в десяти шагах, яркая, беспощадно красивая. Она не одна. Рядом высокий в белом. Он безучастен, он смущён. Он прикуривает папиросу, даёт понять, что явился сюда помимо воли и ему всё это ни к чему. Студент поднялся. Может быть, подниматься было рано. Может, надо было подождать, когда они подойдут ближе.

– Это, конечно, вы. Явились, значит. Очень приятно.

Она разглядывает его в упор, подробно, с откровенным пренебрежением.

– Слава богу, вы, я вижу, человек взрослый и кое-что, видимо, поймёте... Вы пишете, что готовы на всё. Вот что, молодой человек. Сделайте вы мне две услуги. Во-первых, не ходите больше в первый ряд – вы меня раздражаете. Во-вторых, не присылайте мне ваших сочинений. Они мне не нужны. Написали одну записку – хватит... Зачем же четыре?

– Ну-ну, пустяки. Зачем же так резко? Кто из нас не писал посланий? – Высокий показал зубы, сочувственно подмигнул.

– Нет, с меня хватит разных дурацких писем. Они мне надоели! Молодому человеку надо дать понять, что его письма не приведут ни к чему, кроме скандала.

– Ну, это лишнее. Молодой человек, не придавайте этому большого значения.

Она актриса трагическая, ничего не поделаешь. К тому же сегодня она не в духе. Надо крикнуть, надо выругаться, надо разбить эту фальшивую улыбку. Но руки скрутила противная, гипнотизирующая слабость. В голове шум тополей. Он взглянул ей в глаза – вот они, совсем рядом, злые, чудесные, – и деревянным унизительно чужим голосом произнёс:

– Всё это забавно... Но вы меня с кем-то путаете. Я вам писем не писал... Всё это очень забавно...

Он видел только, как дрогнули её брови. Слышал уже за спиной её голос... Потом он ходил по горячим пыльным тротуарам, пересекал весёлые скверы, стоял на мосту и снова шагал по серым улицам, замороженный тоской, стыдом и отчаянием. «...Что делать? Всё изменилось. Всё совсем изменилось...» Что-то надо делать, какая-то сила настойчиво и дерзко стучала в висках: что-то надо делать. Вечером, когда он снова оказался у реки, он почувствовал себя непонятно. На том берегу была уже темнота. Деревья и крыши торчали сплошным чёрным частоколом. Над ним, между рваными синими тучами, опоясанными малиновыми лентами, зияли бледно-зелёные просветы, ошеломляюще обыкновенные, виденные на закате тысячи раз,

минутные и вечные следы прошедших дней. Внизу в заливе плескались три лодки. Парни без устали махали веслами, слышался счастливый визг. Одна из лодок наткнулась на малиновую дорожку заката, дорожка оборвалась, по всей по ней прошла сверкающая дрожь. И всё это ему неожиданно показалось неотделимым от его тоски. Нагрянула вдруг жажда пережить такую же пустую визгливую радость, хотелось без конца видеть этот минутный малиновый свет, оказаться на том берегу, в темноте, лёгким и быстрым шагать в гору мимо сада, задевая висками прохладные чёрные ветки. Он жадно всматривался в огни, вспыхивающие на том берегу, ёжился от холодка реки и думал и чувствовал.

Через час он вошёл в маленькую комнату на окраине. Глянул в окно, в глубокую, невысказанную ночь, сел к столу и, не отрываясь, черкая, комкая и выбрасывая листы, писал. Кончил он утром. Встал, распахнул окно, с мучительным наслаждением вдохнул пахучую утреннюю сырость, сделал по комнате два шага и, не раздеваясь, рухнул на жёсткую узкую кровать. Ветер тихо постукивал раскрытыми оконными створками и смахнул со стола несколько исписанных энергическим почерком драгоценных листов.

(1961)

Вариант 2. Поэтический текст

Николай Максимович Минский (1855–1937)

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

На том берегу наше солнце зайдёт,
Устав по лазури чертить огневую дугу.
И крыльев бесследных смирится полёт
На том берегу.

На том берегу отдыхают равно
Цветок не расцветший и тот, что завял на лугу.
Всему, что вне жизни, бессмертье дано
На том берегу.

На том берегу только духи живут,
А тело от зависти плачет, подобно врагу,
Почуяв, что дух обретает приют
На том берегу.

На том берегу кто мечтою живёт,
С улыбкой покинет всё то, что я здесь берегу.
Что смертью зовём, он рождением зовёт
На том берегу.

На том берегу отдохну я вполне,
Но здесь я томлюсь и страданий унять не могу,
И внемлю, смущённый, большой тишине
На том берегу.

(1896)

Максимальный балл за все выполненные задания – 75.